

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	30
ГЛАВА 3	55
ГЛАВА 4	81
ГЛАВА 5	106
ГЛАВА 6	132
ГЛАВА 7	153
ГЛАВА 8	181
ГЛАВА 9	209
ГЛАВА 10	240
ГЛАВА 11	264
ГЛАВА 12	288

1

Г Л А В А

**ДАННЫЙ ТЕКСТ ЯВЛЯЕТСЯ ПЛОДОМ
ВЫМЫСЛА. НО РЕАЛЬНЫЕ ЛЮДИ,
СОБЫТИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ПОСЛУЖИЛИ
ДЛЯ НЕГО ИСТОЧНИКОМ ВДОХНОВЕНИЯ**

Ворота не открываются.

Ворота, ради которых Дмитрий прилетел из столицы в Хакасию, ради чего пригнал из Китая груженую машину, не открываются. И дорогу к ним преграждает сотрудник службы безопасности в уродской черной форме и шапке с желтой надписью РТТГ, круглый, плотный и мордастый — он скачет вверх-вниз и буквально визжит:

— Не положено! Не положено!

Дмитрию очень хочется врезать ему, пустить в ход слова, которые именуют непарламентскими. Но он знает, что так делать нельзя, что орать на человека, исполняющего приказ, и тем более бить его — неправильно.

— Кем не положено? — Он прилагает все усилия, чтобы голос звучал нормально, спокойно, но в последний момент не удерживается: — Что за чепушня тут у вас творится?

Безопасник моргает, глазки его бегают.

— Что надо, то и творится, — бурчит он. — Велели без договора не пускать вообще... Освободите подъезд!

Дмитрий пару раз глубоко вздыхает, едва не скрипит зубами и машет водителю. Громадная «Скания», в кузове которой три

отличных грохота¹ по двадцать пять миллионов рублей каждый, рычит двигателем и сдает назад.

Дмитрий достает телефон.

— Э, привет. — Голос Иосифа Скорика, главного механика Белогорской обогатительной фабрики, всегда кажется не очень уверенным, хотя это просто такая манера вести разговор; но сегодня в этом голосе откровенная тревога.

— Знаешь, где я? — спрашивает Дмитрий и, не дожидаясь ответа, продолжает: — Рядом. Твой ушатанный кабинет на вашей ушатанной фабрике от меня примерно в двухстах метрах. Только на территорию меня не пускают! Меня и то оборудование, которое я тебе привез! Оборудование, о котором ты меня просил, — давай быстрее, договор потом подпишем... Двадцать тонн! Что, сука, творится?

Безопасник продолжает топтаться рядом, лупает мелкими глазенками, в которых светится любопытство. Ограда фабрики высится Великой Китайской стеной, с серого октябрьского неба сыплется мелкий дождь.

Дмитрий отворачивается, делает несколько шагов в сторону, под ногой хлюпает лужа.

— Ну я.. э, мы.. тут внезапно у нас.. — мямлит Скорик. — Понимаешь, Сергеич.. Сейчас я тебе все объясню..

Доносится рычание мотора, рядом тормозит черный «УАЗ Патриот», из-под колес летит грязь. Хлопает дверца, из машины выскакивает низкорослый пузан с кавалерийскими седоватыми усами.

— Ты кто такой, гля? Чего тут забыл? — рычит он.

Дмитрий от неожиданности вздрагивает.

В РТТГ, да и во всей отрасли от Магадана до Донбасса его знает каждая собака. Видимо, нет, не каждая.

— А ты кто такой борзый? — спрашивает он в ответ. — Че за базар начался?

Дмитрий давно не простой пацан из рабочего поселка, но умение разговаривать по-уличному при нем.

¹ Сортировочная просеивающая машина, состоящая из вибрационных сит (решёт) для разделения сыпучих материалов (геол.). (Здесь и далее — прим. ред.)

— Я-а-а-а??? — Усы мелко дрожат, щеки и мясистый нос пунцовеют. — Да ты вообще охерел! Хандон штопаный! Вали отсюда, чтобы я тебя на моей фабрике не видел! Тоже мне, херой! Маршал Жуков недоделанный!

«На моей фабрике»? Вот это поворот.

Где Василий Смирнов, который только бумажки подписывал, а производством управлял даже не главный инженер, а главный механик?

— Хони его в шею! — Пузан по-южному хэкает, но это вовсе не выглядит смешным, физиономия его напоминает спелую малину, украшенную двумя пучками выцветшей травы. — Хони-хони! У тебя пистолет в кобуре вообще зачем?! Давай я сам его пристрелю! Бох простит!

Безопасник дергает нижней челюстью, пытаюсь подобрать слова, и медленно пятится. Наверняка жалеет, что не успел спрятаться в уютной будке, где горячий чайник, где календарь с голой девицей на стене, где тихо и безопасно, никто не вопит и к оружию не призывает.

— Не по-положено, — обретает он наконец голос. — Не по-положено.. Оружие отдавать.. Нельзя!

— Что?! Обурел совсем?! — Пузан резко оборачивается. — Я тебя из своего тохда положу! Двустволку охотничью привезу, и ты тут ляжешь!

— Слышь, заткнись, — говорит Дмитрий, не обращая внимания, что собеседник надвигается на него. — А то ты ляжешь у меня без всякой двустволки. Прямо тут, на дороге. Совсем конченный, что ли? Это на фабрике ты царь и бог, а за ее забором — вообще никто. Ни разу. Понял?

Правая рука, свободная, сама сжимается в кулак, и пузан это видит.

Он резко бледнеет, запрыгивает в машину, «УАЗ Патриот» визжит покрывками, смердит выхлопом и уносится прочь.

Только в этот момент Дмитрий вспоминает, что левую руку с телефоном так и держит около уха.

— Э, м-м, ну... — Скорик в трубке осторожно покашливает.

— Это что за?.. — очень хочется закончить фразу словом «хандон», но нет желания повторять за пузаном.

— Ты познакомился с новым директором, Темечкиным Анатолием Анатольевичем, — сообщает главный механик. — Донской казак. С саблей и ружьем. Разве что коня не привез.

— Когда? — В одно слово Дмитрий ухитряется вложить всю злость, накопленную за последние двадцать минут.

Вылетая из Москвы, он ничего не знал о смене руководства в Белогорске.

— Да вот буквально вчера вечером, как снег на голову. — Скорик вздыхает. — Мгновенно. Смирнова убрали, этого поставили, ну и вот... И если с прежним я мог делать что захочу, точнее — что нужно, чтобы все работало, то с этим нет. Ну и ты с ним вот так, э, встретился. Неудачно.

Это очень мягко сказано — неудачно.

После такого директор вряд ли захочет увидеть нового знакомого в числе поставщиков.

А еще теперь надо разбираться, куда девать привезенное оборудование, не тащить же обратно в Китай, где его все равно не возьмут. И срочно менять билеты монтажникам, с которыми завтра должны начать сборку... отправлять всех назад, выплачивать компенсацию, объяснять, что за чепушня случилась и почему Дмитрий, всегда надежный как скала, неожиданно подвел.

— Твою мать! — в сердцах говорит он и обрывает связь.

Но телефон оживает снова, и на экране высвечивается «Буреев».

Разговаривать хочется меньше всего, наверняка вопрос пустяковый, не такой, ради которого генеральный директор должен звонить директору техническому, кипящему от бешенства на другом краю России.

Но не ответить нельзя.

— Да? Что там у вас? — спрашивает Дмитрий. — Опять скрепки в офисе закончились?

На миг в трубке воцаряется молчание. Петька Буреев, друг детства, ставший несколько лет назад деловым партнером, перерывает услышанное.

— Ответ отрицательный, — наконец осторожно говорит он. — Не закончились.

— Тогда что? У меня тут чепушня полная. Эти дебилы тупорылые...

— Нас забанили, — произносит Буреев тихо. — Мы на конкурс заявиться не можем. «Высоту» лишили допуска. Система не принимает логин и пароль.

— Это на какой конкурс? — Дмитрий на миг забывает и про Темечкина, и про Скорика, и даже про машину с оборудованием. — Для Чегомынской фабрики?

— Ответ положительный.

Дмитрию очень хочется повторить «твою мать», но он понимает, что этим простым словосочетанием его чувств не выразить.

Если электронная площадка для торгов РТТГ не принимает логин-пароль «Высоты», то дело не в косяке с допуском на Белогорской фабрике и не в новом директоре-самодуре. Проблема куда серьезнее, она на уровне самой Российской топливно-транспортной группы, а не одного из ее региональных подразделений.

А значит, самое время использовать номер, который Дмитрий никогда не пускал в ход, хотя записал более года назад.

— Давай, я тебя понял, — бурчит он и начинает листать список контактов в телефоне.

А.. стоп..

— Слушаю, — звучит в трубке после двух гудков.

— Добрый день, Леонид Аркадьевич. — Дмитрий говорит осторожно, словно идет по тонкому льду: не по чину обычному поставщику вот так через все головы выходить на генерального директора. — Это вас Плахов беспокоит. Тут такая ситуация..

— К сожалению, я в курсе, что это за ситуация. — Арцахов перебивает, и это совершенно на него не похоже — в самом горячем споре он вежлив и спокоен, дает собеседнику довести мысль до конца. Но не сегодня. — Дмитрий Сергеевич, мы доверяли вам и «Высоте» много лет. Но вы оказались жуликами. Так что забудьте о моем существовании. Всего вам доброго.

И связь обрывается.

Дмитрий стоит посреди Хакасии, стиснув в потной ладони телефон, и пытается осознать, что происходит. Его «Высота», дело всей его жизни, на которое он потратил годы и тонны сил,

стремительно летит с той благополучной и неуязвимой — так ему казалось — высоты, где находилась последнее время.

Жулики? Почему? Что случилось?

Но в любом случае РТТГ с этого мгновения не их клиент, а это значит — минус девяносто процентов выручки.

Это не просто «твоюмать», это «твоюматище»!

Таксист ведет машину так, словно он бывший пилот «Формулы-1», изгнанный из команды за вождение в нетрезвом виде. Дмитрий мрачно смотрит на его затылок и думает о том, как давно он сам толком не сидел за рулем — чтобы не по городу, а по дикой трассе, и мотор ревет, и надо гнать изо всех сил, быть на финише первым.

Телефон подает голос, когда они влетают в Москву.

— Привет, дорогая, — говорит Дмитрий. — Как вы там?

Вспоминает, что из Хакасии так и не отзвонился, и сердце колет иголочка вины.

— У нас с Соней все хорошо. — В голосе жены слышится обида. — А вот ты куда пропал? Ты где?

— В Москве.

— Значит, скоро дома? — Обида исчезает, на место ей приходит радость, и так легко представить, как она улыбается.

— Ну, нет. — Дмитрий не рад сообщать такое. — Надо мчаться в офис. Куча дел. Понимаешь..

— Очаровательно! — Обида возвращается, на этот раз более явная, сильная, очевидная. — Никогда у тебя нет на нас времени! Вспомни, когда ты последний раз провел выходные дома?

— Ну Маша! У нас полная шляпа! Ты думаешь, почему я так быстро вернулся? Уроды! Машину на фабрику не пустили, пришлось думать, что с ней делать, и сразу в аэропорт. Я..

— Конечно, ты этого не помнишь. — Жена не слышит, она говорит о своем. — Очаровательно. Спасибо, что помнишь, как меня зовут! Для тебя есть только твои классификаторы, дробилки, гидроциклоны и прочее железо! Только твоя любимая

«Высота!»! — Теперь в голосе не просто обида, там дрожат слезы, и слышать их неприятно.

— «Высота» нужна, чтобы вы хорошо жили! — рывкает Дмитрий. — Разве непонятно? Деньги не берутся из воздуха, их надо зарабатывать!

Таксист смотрит на него в зеркальце заднего вида, глаза на смуглом лице выпучены.

— Потом поговорим, — добавляет Дмитрий. — Сегодня приеду поздно, меня не ждите.

— Как обычно. Может, тебя совсем не ждать? — Маша фыркает и отключается прежде, чем он успевает еще что-то сказать.

Он думает, не перезвонить ли, не расставить ли все точки над «і», но потом решает, что нет, не сейчас.

Через десять минут машина тормозит у крыльца, над которым висит яркая вывеска «Высота». Маленький офисный центр недалеко от «Щелковской», и половину занимает его собственное детище: если посмотреть снаружи, то полтора десятка сотрудников, компьютеры и прочая оргтехника, а если изнутри — сконцентрированный опыт десяти с лишним лет, проведенных в добыче угля и его обогащении.

В приемной, как всегда, пахнет кофе, новая помощница Юлия на месте, улыбается при виде начальства.

— Буреева и Грекова ко мне, — приказывает он и шагает к себе в кабинет.

На столе обнаруживает то, чего раньше не было: небольшой букетик в изящной вазочке, аромат слабый, но приятный.

— Это что? — интересуется Дмитрий, когда Юлия заходит, цокая каблучками.

— Немножко красоты, Дмитрий Сергеевич. — Она улыбается во все тридцать два белоснежных зуба, блестят подчеркнутые макияжем глаза цвета утреннего неба. — Букетик. Мне кажется, что красоты вам очень, очень в жизни не хватает... Вот кофе и свежая почта. Могу чем-то еще помочь?

— Нет, пока нет.

А в кабинет уже входит Петька Буреев, высокий и сутулый, с неистребимым задумчивым «профессорским» выражением на скуластом лице, за ним ломится Володя Греков, коммерческий

директор, — этот одет как на пробежку, рукава оранжевой майки едва сходятся на раздутых бицепсах.

— Прикинь, какие я кроссовки купил! Легкие, точно гагачий пук, в смысле пух! — начинает он.

Греков говорит всегда, если он молчит, то это значит — спит или умер.

— Тише, Володя, не до твоего барахла сейчас, — осаживает его Дмитрий.

— Да ладно, братан, я же... — Греков тут же увядает и опускается на стул.

Буреев садится рядом и кладет на стол бумагу с шапкой РТТГ и Белогорской фабрики.

— Такая вот экспонента, — говорит он, глядя подбородок. — Пришло два часа назад.

По лицу Грекова видно, что он ни сном ни духом, что у него все замечательно — благодаря гагачьему пуку в кроссовках.

— Так. — Дмитрий читает, и по мере того, как глаза его скользят по строчкам, в ушах нарастает противный тонкий свист, словно в голове пошел вразнос некий тонкий механизм. Накатывает ощущение, что это просто кошмарный сон, что он моргнет сейчас и откроет глаза в собственной кровати рядом с Машей, что не было никакого полета в Абакан и обратно. — Мошенничество? Поддельное оборудование? На грохотах двигателя более низкого качества? Бирки перебиты? Это как?!

Тут он не сдерживается и облегчает душу так, как это привык делать русский мужчина.

Буреев и Греков молча ждут. Да, Дмитрий — всего лишь технический директор, и «Высота» оформлена не на него, но оба знают, что он ее создал, что он их сюда привел, всему научил и дал возможность хорошо зарабатывать.

— Петька, ты понимаешь что-нибудь? — спрашивает Дмитрий, когда запас матерных ругательств иссякает.

— Нет. — Буреев знает, что сейчас не время для его «ответ отрицательный».

— А что думаешь делать?

Формальный глава «Высоты» пожимает плечами.

— Ну? Что? — подзуживает его Дмитрий. — Времени нет письку тереть и тряпки мять. Ты генеральный директор, ты получаешь в год несколько десятков миллионов, и за что? Молчать и бесплатно можно.

— Ну как бы надо разобраться, что произошло, какие причины привели... — начинает Буреев.

— Да какие на хер причины?! Пока ты их искать будешь, мы по миру без денег пойдем! Новые клиенты нужны! Да, с РТТГ порешаем, вместе съездим, а сейчас продажи нужны, любые! Хоть банку очистителя продать, хоть сотню труб поставить! И тебя тоже касается. — Дмитрий переводит взгляд на Володю.

— А я чего, братан, — лыбится тот. — Я всегда готов! Я всегда с тобой!

— Так вот иди и покажи это! Трындеть — не сепараторы ворочать! Давай, за дело. Новые клиенты — кто и откуда угодно, это ваша задача, остальным я пока сам займусь. Петька, а ты еще попробуй до Волковой добраться, в РТТГ, вдруг она что-то расскажет. Директор по закупкам, должна быть в курсе.

Буреев кивает и поднимается, Володя отстает от него на полтакта, но в дверях задерживается.

— Но ты кроссовки же посмотришь? На самом деле клевые, ничего не весят. Тема-а!

— Ты совсем с ума съехал? — Дмитрий смотрит на Грекова как на сумасшедшего. — Заняться нечем?

Володя исчезает, словно его ветром сдуло.

Юлия появляется еще до того, как Дмитрий нажимает клавишу вызова.

— Кофе не пьете, Дмитрий Сергеевич? — Тень заботы падает на ее правильное лицо. — Может, вам чаю? Или обед заказать? А то наверняка после самолета ведь не ели ничего.

— Это все потом. — Он трет щеки, пытаюсь хоть как-то взбодриться: кофе остыл, но придется все равно выпить, не для удовольствия, а как горькое и противное лекарство. — Начинаем обзванивать клиентов... Ты звони, договаривайся, кто сразу на связи, тех на меня переводи... Надо до конца дня всех поймать, до единого, иначе вообще ничего не получится.

Кто-то хочет вывести «Высоту» из игры, и этот кто-то — с того же небольшого тесного рынка из полудюжины поставщиков, из тех, кто обеспечивает фабрики технологическим оборудованием. И если он играет всерьез, то желает уничтожить самого сильного конкурента, разрушить его репутацию и лишить всех клиентов до последнего.

По крайней мере сам Дмитрий действовал бы именно так.

— Получится, Дмитрий Сергеевич. — Юлия выходит, вильнув пятой точкой, и он невольно задерживает взгляд на длинных ногах под юбкой.

Хороша, чертовка, не отнять!

Но он гонит из головы посторонние мысли и тянется к телефону.

На Камчатке сейчас раннее утро, и голос у директора Паданской фабрики до отвращения бодрый. В Москве же время к одиннадцати вечера, в глаза Дмитрия словно насыпали песка, на плечи взвалили самосвал с рудой, а язык заменили на поддельный, из холодного, негнушегося свинца.

Но надо снова повторять то, что изложил сегодня не один десяток раз.

— Слушай, тут такое дело, — говорит Дмитрий, когда заканчивается обычный ритуал «привет, как ты?». — Нас подставили, хотят показать мошенниками, и я не знаю, кто именно.

— Да ладно, не может быть? — удивляется директор, основательный пятидесятилетний мужик Антон Борисович, типичный крепкий хозяйственник чуть ли не советской закваски. На Камчатке уже суббота, но он на месте, и вряд ли один, и это не исключительный случай. — Все знают, что ты дела ведешь честно, что обещаешь — делаешь. Даже без документов.

— Знать-то знают, но быть может. — И Дмитрий рассказывает историю с якобы подмененными двигателями на грохотах. — Вот, Борисыч, нашлись какие-то суки, но кто это — непонятно. Может, ты что знаешь?

— Да откуда? — Директор хмыкает. — Сидим тут на краю света, с угольком возимся.

— Но ведь тебя-то я никогда не обманывал?

— Нет, Митрий, не было такого.

— Тогда смотри — тот, кто это все затеял, он обо всем деле больше нас в курсе. — Дмитрий делает паузу, давая собеседнику возможность переварить информацию: Борисыч — отличный директор, производство знает, людей в кулаке держит, но не всегда быстро соображает. — И еще он хочет, чтобы меня и моей «Высоты» больше на этом свете не было. Понимаешь?

— Ну да-а..

— И когда он придет к тебе свое оборудование предлагать или решения какие, то обязательно обо мне заговорит. — Еще одна пауза, во время которой почти слышно, как ворочаются и постукивают куски мыслей в голове Борисыча. — Попытается меня добить. Замазать полностью. Логично?

— Ну да-а..

— И расскажет то, чего человек со стороны знать не может, — продолжает Дмитрий. — Когда случится такое, то ты, Борисыч, позвони мне обязательно, поведай, кто эта гнида! Только ничего им самим не говори.

— Да обижаешь, Митрий! Наберу без вопросов. — Директор Паданской фабрики смеется, тяжело, густо, солидно. — А кстати, раз уж ты проявился сегодня, тут один вопрос. Буреев твой — он там здоров, в больнице не лежит?

— Днем не лежал. — Нутро у Дмитрия холодеет, как всегда в предчувствии неприятностей.

— Да у нас тут с ситами проблемы кое-какие, надо, чтобы кто-то приехал, посмотрел. — Борисыч сопит. — Я Бурееву раз написал, два написал, а он молчит, словно рыба об лед. Невозможно же с ним ничего решить, это уже не первый раз, и летом такая же ерунда была.

Холод в животе сгущается до такой степени, что кишки буквально смерзаются в ком. Возвращается тонкий свист, приходивший днем, когда Дмитрий читал письмо-претензию из Хакасии, глаза заволакивает красный туман.

Вот засранец Петька! Нашел время прятаться от работы.

Новые договора в РТТГ им теперь не светят, но обслуживающие и ремонт того, что уже поставлено, — тоже деньги, и на них можно продержаться, затянув ремень, пока ситуация не изменится к лучшему.

— Хорошо, — говорит он. — Я ему напишу... пропишу так, что он в больницу ляжет. Завтра же!

— Да завтра воскресенье же. — Борисыч смеется. — Хотя для вас оно послезавтра. Москва-а!

— Сделаю рабочим, не проблема. — Дмитрий пытается рассмеяться в ответ, но выходит какое-то хриплое карканье.

Это что, через час суббота? Куда делась очередная неделя?

— Ладно, Митрий, планерка у меня на носу, надо бежать. Я тебя услышал. Наберу. Удачи.

— Взаимно.

Дмитрий кладет телефон на стол и некоторое время бездумно таращится в черное окно, за которым размытые огни автомобилей плывут в дождевой дымке; перед глазами тоже все плывет, в голове ни единой мысли, только усталость и бессильная злость.

Поворачивает голову на легкий стук в дверь — на пороге стоит Юлия.

— Ты что тут делаешь? Думал, давно ушла.

— Ушла? Нет. Пока вы здесь — моя работа не окончена. — На этот раз она не улыбается, смотрит серьезно, с ожиданием. — Моя работа — заботиться о вас. Что-нибудь нужно, Дмитрий Сергеевич?

Дмитрий осознает, что буквально таращится на нее, и отводит взгляд.

Накатывает желание выпить, казалось, давно забытое, оставленное в веселых студенческих временах; накатить, расслабиться, забыть обо всем, о проблемах, которые сидят не только здесь, в рабочем кабинете, но и ждут дома.

— Вам явно не хватает заботы, Дмитрий Сергеевич, — продолжает Юлия, мягко, вкрадчиво, гипнотически. — Красоты не хватает рядом, заботы, заботливых женских рук. Несомненно.

Он думает, что знает о ней — вроде из провинции, с юга, то ли из Курска, то ли из Белгорода, да, точно, из Белгорода, покорять столицу приехала после школы, покорить не вышло, но в Москве

осталась; в «Высоте» появилась несколько месяцев назад и первое время вела себя тише мыши.

— Ладно, иди, — говорит Дмитрий. — Я тоже пойду. Домой пора.

— Так там вас Иванов ждет. Я его гнала, так он не уходил, говорил, что вы его звали.

Точно, накосячивший конструктор, из-за которого фирма влетела на четыре миллиона.

— Давай его сюда. — Дмитрий ворочает головой, разминая затекшую шею. — А сама иди. До понедельника.

— До понедельника. — Юлия улыбается и исчезает.

Ее место занимает Иванов, толстый, нескладный, в нелепых очках, с вихрами рыжих волос над широким лбом.

— Садись, — велит Дмитрий.

Конструктор сглатывает, опускается на самый кончик стула, руки держит на коленях, наверняка они трясутся — и руки, и колени.

— Ты понял, что сделал неправильно? — спрашивает Дмитрий.

Иванов кивает, вихры его колышутся, затем он не говорит даже, блеет:

— Ды-а-а.

— Ну отлично. — Дмитрий выкладывает на стол рабочий блокнот, который всегда носит с собой: заметки, наброски узлов и механизмов, целые страницы расчетов, черновики презентаций. Вырывает листок, на котором будут вводные. — На фабрику в Воркуте надо подобрать грохот. Производительность тысяча двести в час, верхняя ячейка двадцать пять миллиметров, низ по шесть миллиметров, делим на три класса..

Сам рисует в блокноте примерную схему расположения оборудования, конструктор торопливо записывает цифры.

— Банан не войдет, берем горизонтальный. Эффективность по максимуму — девяносто пять процентов. Расчеты нужны и чертежи тоже. Все зафиксировал? Все понял?

— Но... но... я думал... — снова блеет конструктор, — вы никогда мне ничего не поручите! Уволите меня!

— За что? За ошибку? — Дмитрий хмыкает. — Тогда тут всех надо уволить, начиная с меня. Ты теперь знаешь, как делать не надо, и не потому что дядя сказал, а поскольку сам шишку набил. А кроме того, ты не пытался от своего косяка отмазаться, честно признал ошибку. Молодец. Соберись, тряпка! Руки в ноги — и вперед! Срок — понедельник к полудню!

НЫРОК В ПРОШЛОЕ ▶ 1

Воспитательница Тамара Петровна посмотрела на Диму сердито, хотя он ничего плохого не сделал, просто захотел с ней поговорить.

– Что-что?

– Можно я пойду домой? – спросил он еще раз. – Уже много времени.

Тамара Петровна улыбнулась и покачала головой.

– Ну как же ты пойдешь домой? Ты еще маленький, а мамы пока нет. Иди, поиграй с ребятами.

– Я не маленький! – Дима разозлился. – Мне пять лет! Я хожу в садик сам!

И он не соврал – с лета мама отпускает его одного, после того как он рассказал дорогу и спокойно дошел... И чего там идти, от дома мимо больницы, один раз дорогу перейти, ну сначала подождать, когда машины проедут, а затем прямо, прямо и прямо, у остановки свернуть, и вот ты на месте. Тут ясельник справится, не то что взрослый, серьезный пацан. А маме если с работы идти, то сначала мимо дома, и еще столько же топать, и потом обратно уже вместе... зачем, если он сам может?

– Конечно, не маленький. – Тамара Петровна засмеялась. – Иди поиграй с ребятами. Мама придет и заберет тебя.

– Но я сам...

– Иди! – Воспитательница развернула Диму и легким шлепком по попе отправила к остальным.

Он не успел даже сказать, что мама сегодня не придет, задержится на работе, где вагоны грохочут на рельсах и ходят суровые дядьки-раскайловщики, все в черной угольной пыли... Дима поночевал там несколько раз, когда у мамы выпадала ночная смена, и ему очень понравилось, он обязательно пойдет туда работать, когда вырастет.

А сегодня его должен забрать дед, который работает на настоящем кране ЗИЛ, но в другом месте. Вообще это очень близко, не дальше, чем до дома, и туда он дойдет тоже сам, а если ждать тут, то это очень долго, дед рано никогда не приходит, ведь ему надо из крана выбраться.

И от того, что его не слушают, Дима рассердился еще сильнее, он не пошел к остальным, а залез на стул и устоялся в окно, где игровая площадка, и качели, и забор с калиткой, серое небо и дождик... Ладно зимой, когда надо много всего надевать, это сложно, а сейчас еще тепло, почему он должен сидеть тут, когда там так хорошо? Совсем нечестно!

Глаза защипало, он шмыгнул носом, вытер его кулаком.

Народу в группе осталось совсем немного, мамы и папы забрали почти всех друзей.

– Димка, пока! – прокричал от входа Виталик, который живет в соседнем доме.

Может быть, попроситься с ними?

Дима повернулся, но опоздал, Виталик с мамой уже вышли, и теперь их не догнать.

– Иди к остальным. – Это подошла Тамара Петровна. – Что сидишь один, будто сыч? Если в окно смотреть, то мама быстрее не придет.

– Мама не... – начал Дима, но воспитательница опять не стала его слушать, развернулась и ушла.

Тут уж от обиды слезы брызнули по-настоящему, но он не заревел в голос, удержался, потому что он мальчик, а мальчики не плачут. Вытер лицо и отправился туда, где друг Женька собирал для машинок настоящий гараж из кубиков... собирал неправильно, и кто еще ему расскажет, как надо?

Вскоре забрали и Женьку, а потом Дима остался в группе совсем один.

Дед пришел, когда машинки окончательно надоели, даже любимая зеленая, и захотелось плакать снова.

– Внучара! – крикнул он от двери, как всегда. – Давай собирайся!

– Давно пора, – подала голос Тамара Петровна.

Она вышла из группы следом за ними и начала переодеваться в углу, где на вешалке обитали плащи воспитательниц и нянечек. Дима посмотрел на нее мрачно и промолчал, но на улице выложил деду все, путаясь в словах и сбиваясь.

– Почему она меня не слушает?! Почему?! – воскликнул он.

– А почему она должна тебя слушать, внучара? – спросил дед, открывая калитку садика.

– Но мама же меня слушает!

– Так то мама, ты для нее один-единственный. – Дед покачал седой головой, поправил кепку. – А у воспитательницы таких, как ты, два десятка, и если каждого слушать, так слушалка отвалится.

– Но это нечестно!

– Как раз честно. – Дед взял Диму за руку, они пошли по дорожке, зашуршали под ногами опавшие листья: желтые, бурые, красные. – Слова – пустое дело, главное – дела. Особенно для мужика. Ведь ты мужик?

– Конечно, мужик, – ответил Дима и подумал, что в следующий раз он ничего не будет говорить, а просто сделает по-своему, вот и все.

Мама Виталика посмотрела на Диму, склонив голову к плечу, и задала вопрос, которого он не ждал:

– А твоя мама где? Почему она тебя не забирает? Но ведь в прошлый раз все получилось!

Тогда Дима еще перед тихим часом уговорил Виталика, чтобы тот попросил свою маму его забрать. И когда та пришла, то послушала сына и сказала воспитательнице, что уводит и Плахова тоже, и они ушли все вместе. Тогда он дождался собственную маму около дома, встретил ее на улице рядом с больницей.

– Она сегодня задержится, – сказал Дима.

– Ну и что ты будешь там один делать? – Мама Виталика покачала головой: она вся очень большая, и голова у нее тоже большая, в цветастой косынке. – Нет, оставайся тут. Пойдем, сынок.

И они пошагали к калитке, а Дима остался на игровой площадке, между песочницей с грибком и качелями.

Сегодня дождя нет, солнце греет как летом, и поэтому их вывели гулять.

– Нечестно, – пробормотал он, сжав кулаки.

В песочнице остались только девчонки, играть с ними неинтересно, зато есть забор. Всегда прикольно залезть на него и смотреть на всех сверху, а еще можно дотянуться до рябины, которая уже покраснела и наверняка сладкая, как клубника с бабушкиного огорода.

Дима оглянулся – ага, Тамара Петровна не смотрит в его сторону – и рванул к забору. Но когда оказался наверху, мигом забыл о ягодах, он увидел, что мимо забора по дорожке идет мама Женьки.

Сейчас она свернет за угол... и заберет сына.

– Здравствуйте, тетя Таня! – закричал он во всю глотку.

– Здравствуй, Дима, – ответила она, подняв голову. – Ты смотри, не свались.

– Нет, я всюду лажу и нигде не падаю! – гордо сообщил он. – А заберите меня домой! Пожалуйста. Вы же знаете, где я живу и что от вас рядом.

– Нет, твоя мама меня не просила, и я не могу... – Мама Женьки пошла дальше.

Дима обиженно засопел, ему захотелось крикнуть: «Так нечестно! Я же попросил! Вежливо!» Но он вспомнил, что он взрослый пацан, а мужики не ноют, а делают,

и спрыгнул с забора и понесся вдоль него к углу, где за горкой пряталась дырка в заборе, путь для побега на волю.

Растущая там крапива зашелестела, но не обожгла, ведь она была старая, осенняя.

Дырка оказалась забита – крест-накрест, но Дима не растерялся, он взлетел на забор снова, и как раз вовремя – мама Женьки оказалась рядом.

– Тетя Таня, ну заберите меня, пожалуйста, вы же меня знаете, и что я честный... Пожалуйста! Моя мама точно идет мне навстречу, и я уже хочу домой. Сильно-пресильно!

Она посмотрела на него и покачала головой.

– Ну ладно, иди отпрашивайся у воспитательницы. Если она разрешит...

– Спасибо, тетя Таня! – Дима соскочил с забора, не дослушав, и приземлился неудачно: нога изогнулась как-то неправильно, и стало больно-больно, так что девчонка наверняка заплакала бы.

Но он не девчонка!

Тамара Петровна сидела там же, на лавочке рядом с туалетом, но Дима к ней не пошел. Немного хромая, он рванул к Женьке, который играл на качелях, но не качался, а болтал ногами и показывал язык не пойми кому.

– Давай быстрее, там мама твоя идет!

– Да? Где? – Женька, как обычно, выпучил черные глаза и принялся слезать с качелей.

Дима схватил его за руку, и они понеслись мимо песочницы, мимо клумбы, на которой раскачивались большие астры, красные и фиолетовые. На бегу нога заболела сильнее, но он и не подумал остановиться – если остановишься сейчас, то воспитательница точно не даст уйти.

У калитки оказались как раз в тот момент, когда та открылась и тетя Таня шагнула внутрь.

– Мама! – воскликнул Женька, и та присела, чтобы обнять его и поцеловать.

– Меня забирают! – закричал Дима, повернувшись к воспитательнице. – До свидания!

И выскочил за калитку, чтобы пропасть с глаз Тамары Петровны – та же видит, что он не просто удрал, а ушел с кем-то взрослым, и, значит, не станет сердиться и ругаться, и хорошо.

– Ну пойдете, – сказала тетя Таня, выведя Женьку за руку. – Откуда мама идет?

– С работы! – важно ответил Дима. – Она вагоны считает! И проверяет! А они – ух! Огромные! Фабрика! Уголь!

Тетя Таня засмеялась и про свой вопрос забыла, что ему и было нужно.

Они дошли до остановки и пошагали вдоль дороги: мама Женьки спрашивала, чем кормили в садике и что делали, тот в ответ неохотно рассказывал про селедочное масло и про рисование; ну а Дима выжидал, когда можно будет удрать, – ведь он знает дорогу, и может дойти сам, и встретить свою маму у дома... вот она будет рада!

– А вон и за мной! Спасибо! – завопил он, когда они перешли дорогу. – До свидания!

Женьке с тетей Таней прямо во двор, а ему дальше в сторону больницы, и там как раз вдалеке шагает невысокая женщина.

Так что, когда Дима рванул так, что в ушах засвистел воздух, никто его не остановил. Нога поболела немного, а затем перестала, и до дома он дошел уже совсем как обычно, не хромя.

– А ты тут откуда? – спросила мама, когда он выскочил из-за угла соседнего барака.

– Я могу один возвращаться! – важно сообщил Дима... и почти не соврал.

– До свидания! Меня забирают! – крикнул Дима от калитки и даже помахал рукой Тамаре Петровне.

На этот раз он с того же забора упросил маму Наташи, самой красивой девочки в группе. Та согласилась с первого раза, даже не пришлось забираться на верхотуру повторно, а вот Наташка посмотрела с удивлением, когда Дима схватил ее за руку, вытащил из песочницы и поволок за собой.

Ладно хоть кричать и плакать не стала.

– О, вот и моя мама! – в этот раз он удрал у самой остановки, ведь Наташа жила в другой стороне, где-то рядом с его дедушкой и бабушкой. – Спасибо, тетя Нина! Спасибо!

– Пожалуйста, – ответила мама Наташи, но он уже не слушал, бежал прочь.

Под ногами весело шлепали лужи, оставшиеся от вчерашнего дождя.

За день Дима соскучился по маме и спешил изо всех сил, чтобы поскорее ее увидеть. Представил, как они придут, она затопит печку, ту маленькую, что на кухне, чтобы нагреть ужин... большая, для спальни, натоплена с утра, и поэтому дома тепло, уютно пахнет старым деревом.

Но что странно, до самого дома Дима маму не встретил.

Он подумал немного, постоял у поворота во двор, рядом с мусорными баками, и пошел дальше, в сторону ее работы. Остановился у знакомой акации с висящими через забор больницы ветками и забрал одну на рогатку, а то старая сломалась и пора сделать новую, вот только резинку надо добыть.

Пока на ходу возился с рогаткой, и сам не заметил, как дошел до фабрики.

Первый раз сюда Диму привели, когда он был совсем маленький, так что он все знал: и что к вагонам подходить нельзя, ведь под ними бункеры, в которые можно провалиться, и что мамин кабинет вон там, надо подняться на крылечко в сером доме и открыть дверь.

Но в кабинете оказалось пусто, и он в растерянности остановился. Как так? Где она?

– А ты что тут делаешь? – раздался из-за спины знакомый голос.

Дима повернулся и увидел одного из раскайловщиков, дядю Гошу, большого, как слон, с огромным сизым носом и седыми усами.

– Маму ищу.

– Так она на станцию уехала, документы повезла.

Да, Дима знал, что мама иногда на служебном автобусе ездит в центр города, отвозит какие-то бумажки... и если она поехала сегодня, то вернется не скоро, и, значит, в садик должен был прийти дедушка.

Ой!

– Пойдем, с нами чаю попьешь в слесарке, – пригласил дядя Гоша. – Конфеты есть. Подождешь там.

Чай с раскайловщиками Дима пил, и ему понравилось – крепкий, из граненого стакана, как взрослый, но сейчас у него есть дело – найти маму.

– Спасибо, – ответил он. – Но я пойду ее дома подожду.

– Ну как хочешь. – Дядя Гоша отступил в сторону, и Дима выскочил на улицу.

Пока шагал до дома, подумал, не вернуться ли в садик, чтобы его забрал дедушка. Только вот ноги устали уже от беготни и ходьбы туда-сюда, так что лучше пойти домой и правда посидеть там, мама в любом случае вернется.

Хорошо, что никто дверей не запирает.

Дима подождал, пока не проедут одна за другой две машины, и перешел через улицу. Только тут взгляд его упал на растущую у дороги черемуху, усеянную спелыми черными ягодами.

От одного их вида в животе забурчало, а во рту появилась слюна.

Вот черемуха точно должна быть сладкая, не то что рябина в садике, которая оказалась противной и невкусной.

Дима притянул к себе одну из нижних ветвей и начал торопливо обирать ягоды. Подтащил вторую, за третьей

пришлось забраться на дерево, и сам не заметил, как очутился почти на верхушке.

Он удобно расположился в развилке и принялся за ягоды сразу двумя руками.

С верхотуры было отлично видно, что происходит вокруг и кто что делает: вон соседка с первого этажа, тетя Люда, вытащила половики, чтобы выбить, и глухие удары поплыли над бараками; вон поехал автобус, который ходит из их района, тот называется Каркас, в центр Черемухово; протрусил, высунув язык, черный пес Шарик, что кормится при больнице, лохматый, как медведь... ой, а вон Тамара Петровна торопливо идет в сторону их дома.

Увидев воспитательницу, Дима вцепился в ствол обеими руками и прижался к шершавой коре. Как хорошо, что черемуха не облетела и что в густой листве его не разглядеть, если только не поднять голову.

Но Тамара Петровна пронеслась мимо и свернула к ним во двор, принялась разговаривать с тетей Любой. Та помотала головой и снова занялась половиками, а воспитательница выскочила обратно на улицу и бегом побежала обратно к садику.

Нет, надо было туда вернуться, когда не нашел маму на работе, подумал Дима, и от этой мысли у него почему-то зачесалась попа.

Мама появилась у дома, когда уже начало темнеть.

– Мама! – закричал Дима и принялся слезать с дерева; ягод он съел так много, что в животе снова урчало, но уже неприятно, а слюна стала кислой и противной.

– Димка?! – выдохнула мама. – Ах ты! А ну иди сюда!

Она схватила его за ухо, и не просто так, а сильно.

– Ай! – воскликнул Дима. – За что?!

– А за то! – Ему досталось несколько увесистых шлепков по попе, но он их почти не почувствовал, слишком

болело ухо, и еще было ужасно обидно – что он такого сделал? – Пошли! Быстро!

И мама потащила Диму за собой, поначалу и правда за ухо, а потом за руку.

Поначалу он терпел, а потом заплакал, но мама словно вовсе не обратила на это внимания, только вздрогнула. До садика они дошли куда быстрее, чем обычно, брякнула за спиной хорошо знакомая калитка.

– Зачем... сюда? Я не хочу! – заныл Дима, но мамаглянула так, что он замолчал.

В группе обнаружили Тамара Петровна, какая-то незнакомая строгая тетя в очках и дедушка. Тот посмотрел на внука и усмехнулся, строгая тетя покачала головой, а воспитательница прижала руки к лицу.

Дима с удивлением понял, что она плачет, и от этого удивления сам перестал реветь.

– Давай, извиняйся! – велела мама, отпустив его. – Перед всеми! Перед Тамарой Петровной! Перед Алевтиной Федоровной! Перед дедушкой!

– Но за что?!

– А за то, что сбежал из садика! Всех обманул! – Мама смотрела сурово, как не смотрела почти никогда, разве что после того случая, когда они с двоюродным братом пошли кататься на плоту на Малый Круг и едва не утонули.

Слезы снова побежали у Димы из глаз.

– Я не обманывал! Я просто хотел домой! Почему я не могу идти домой сам? Один! Хожу же я в садик?

– Врать нехорошо, – подала голос строгая тетя, видимо, та самая Алевтина Федоровна. – Я, как директор садика, должна наказывать непослушных и нечестных мальчиков...

– Я не вру! – закричал Дима так, что в горле стало больно. – Я хожу! Хожу!

Почему никто ему не верит? Почему так нечестно?

– Он и правда ходит, – сказала мама. – Заявил, что дорогу выучил и может все сам. Чтобы мне крюка не давать после работы...

– И вы его отпускаете? – спросила Алевтина Федоровна.

– Страшно было, – призналась мама, и, посмотрев на нее, Дима увидел, что она выглядит виноватой – смотрит в сторону и теребит ухо. – Но я ведь проверила его. Заставила рассказать, как он будет идти... А потом отпустила и проследила. И он дошел.

– Конечно! – гордо заявил дедушка. – Молодец пацан! И ко мне он не раз сам приходил. Прямо на работу, когда я должен был его забирать.

– То есть... – Тамара Петровна отняла руки от лица, стало видно, что щеки у нее мокрые, – ты убежал сегодня не первый раз? Когда ты уходил с другими мамами, ты удирал?

Тут уж Диме стало неловко... ну не совсем удирал, но вроде бы как обманывал.

– Но вы меня не отпускали! Не слушали даже! – пожаловался он, шмыгнув носом.

– А ну погоди. – Мама достала из сумочки носовой платок. – Давай, высморкайся! Расскажешь потом.

Дима выдул из себя, наверное, целое ведро соплей, так что для вытирания слез пришлось взять второй платок, уже у дедушки, – большой, в синюю клетку, сладко и сочно пахнущий табаком и машинным маслом.

– А чего рассказывать? – пробурчал Дима, глядя на носки ботинок; поднимать голову отчего-то стало тяжело, будто вся съеденная черемуха переползла туда. – Я знаю дорогу и могу ходить. И чего мне тут сидеть, когда все расходятся? Скучно!

А уж когда остаешься в группе последним и воспитательница поглядывает то на часы, то на тебя, вообще отвратительно, чувствуешь себя так, словно ты никому не нужен и все тебя забыли.

– Ничего себе, – проговорила строгая Алевтина Федоровна, которая директор садика. – Наказывать мы тебя не будем, но больше так, пожалуйста, не делай, мы все за тебя волнуемся...

Дедушка что-то проворчал себе под нос.

– ...хотя ты взрослый мальчик, все равно должен уходить из садика с кем-то из родных. Хорошо?

Дима кивнул.

– А поскольку ты взрослый, ты мне просто пообещаешь сейчас так не поступать. Пообещаешь всем... и маме, и Тамаре Петровне... Это маленькие и глупые могут обмануть. Ты ведь не обманешь?

Дима помотал головой и твердо, по-мужски, сказал:

– Обещаю так не делать. Не обману.

И слово это он сдержал.

2

Г Л А В А

Соня делает уроки, как обычно, наклонив голову набок и высунув кончик языка, русые волосы растрепаны, вид сосредоточенный. Ручка скользит по бумаге, выводя крупные правильные буквы, учебник на подставке раскрыт на странице со смешным медвежонком.

Дмитрий может смотреть на дочь бесконечно, не отрываясь, но сегодня его мысли далеко.

Кто, кто может покуситься на «Высоту», спланировать изощренную, хитрую атаку? Конечно, другие поставщики — им интересно, чтобы самый наглый и активный конкурент пропал с рынка.. но у них не так много возможностей залезть внутрь Белогорской фабрики.

Или это игры внутри РТТГ? Кто-то решил избавиться от Дмитрия Плахова? Зачем?

Соня что-то спрашивает, и приходится напрягаться, чтобы понять, что именно.

— Да, доча, именно так это и пишется, — говорит он.

Они сидят в детской, с обоев улыбаются зайцы с барабанами и пони с флагами. Поднимается в углу стеллаж, уставленный книжками — сплошь яркие, цветастые корешки. За окном лужайка,

забор, над крышами соседей хмурое осеннее небо, ладно хоть дождя нет.

Цели корпоративных игр бывают разные, иногда очень причудливые, иногда мелочные до неприличия. Продвинуть нужного человека, выбить бюджет на что-то, обеспечить себе годовой бонус, для чего натянуть локальные показатели закупок или продаж, и не важно, что от этой натяжки в следующем году все рухнет в тартарары, — эффективный менеджер свои десятки миллионов получает и может валить в следующую контору, чтобы уже там втирать очки собственнику.

Дмитрий не любил таких «профессиональных собирателей бонусов», но ему приходилось иметь с ними дело.

Соня спрашивает еще что-то, и на этот раз Дмитрий кивает, не вслушиваясь.

Лежащий на коленке телефон начинает вибрировать, на экране высвечивается лаконичное «Мистер Чжан».

— Доброго дня, — говорит Дмитрий.

— И тебе доброго дня, Большой Брат, — отвечает мистер Чжан, и они смеются вместе.

Это старая шутка, родившаяся в те времена, когда в «Высоте» работали три человека и Дмитрий впервые поехал в Китай, не зная других языков, кроме родного и родного матерного.

— Как ты сам? Как жена? Как дочь? — По-русски мистер Чжан говорит прекрасно, даже «р» выговаривает, и еще бы — его отец работал с советскими инженерами бездну времени назад, когда СССР и правда был большим братом для КНР; тон же у него как у любящего дедушки, который решил проведать внуков, и не скажешь, что этот человек ворочает сотнями миллионов долларов по всему миру.

«Ауро» — это бренд, это сила, это знак качества, это семьдесят процентов рынка обогатительного оборудования в громадном Китае.

Дмитрий отвечает, потом сам спрашивает — про сыновей, уже взрослых и самостоятельных, про внуков.

— Как идут дела? — интересуется мистер Чжан, и Дмитрий напрягается.

Они общаются не так часто, но бизнес обсуждают в рабочие дни и в рабочее время, а воскресенье — и в Китае воскресенье.

И мистер Чжан всегда спрашивает конкретно: что с такой поставкой, что с этим клиентом, что с таким двигателем... и если он говорит абстракциями, значит, что-то идет не так.

Он знает насчет истории с Хакасией? Но откуда?

— Работаем понемногу, — говорит Дмитрий, — надо переформатировать рынок, искать новых клиентов... в связи с этим закупки могут немного упасть, но это на какое-то время. Пашу́, как негр на плантации, даже книжку почитать некогда.

Все правда до последней запятой, и ничего лишнего.

— Понимаю. — Мистер Чжан усмехается. — Но помни, что скazuje наш председатель. — Все же русский язык для него чужой, иногда он смешно ошибается. — Только когда комар сядет тебе на яйцо, ты поймешь, что точность гораздо важнее силы¹.

Дмитрий усмехается в ответ:

— У нас осенью нет комаров.

— Паразиты находятся всегда. — Мистер Чжан делает небольшую паузу, и Дмитрия накрывает желание рассказать обо всем, облегчить душу перед кем-то большим, сильным и надежным.

Но он сдерживается, он знает, что тут «Ауро» ему не помощник.

А кроме того, он всегда решает свои проблемы сам.

— Будь здоров, дорогой друг. Если что — звони, не стесняйся. — заканчивает разговор Мистер Чжан.

В комнату тут же, словно по сигналу, заходит Маша.

Лоб ее нахмурен, в серых глазах — недовольство, в руке — тряпка для пыли.

— Так, чем вы тут заняты? — В голосе пылает нетерпение. — Самое время прибраться. Дима, ты мне поможешь?

Уборка дома для жены — священный ритуал, долгий, нудный и кропотливый. Совершается он раз в неделю, занимает несколько часов и сводится к массовому истреблению любых признаков беспорядка и грязи, которые только можно найти в двухэтажном доме на сто девяносто квадратов.

— Да ты же без меня справишься, — говорит Дмитрий. — У тебя одной лучше выходит.

¹ Цитата приписывается Мао Дзэдуну (1893–1976).

Верхняя губа Маши дрожит, трепет передается на родинку под носом в форме крохотного сердечка.

— А ты не думал, как я устаю, когда делаю все одна? — спрашивает она раздраженно.

— Так зачем за каждой пылинкой бегать? Кто на эти шкафы заглядывает? — Дмитрий поднимается, теперь он смотрит на Машу сверху вниз, и еще он видит, что Соня отвлекается от уроков и тарасится на родителей. — Кому надо, что ты раз в неделю убиваешься вусмерть?

Но жена не слышит, она говорит свое, точно отыгрывает роль:

— Ты мне никогда не помогаешь! Тебя никогда нет дома! Очаровательно! Ты тут гость!

— Мама! Папа! Не ссорьтесь! — восклицает Соня, и от ее голоса у Дмитрия внутри все переворачивается, хочется схватить ребенка в охапку и бежать прочь из этого дома, где ему не рады, куда он возвращается, чтобы отдохнуть, и находит все что угодно, кроме отдыха.

И кроме заботы... да, права Юлия.

— Мы не ссоримся, солнышко, — на автомате отвечает Маша, но на дочь даже не глядит, она буравит мужа взглядом.

— Конечно, нет, — саркастически произносит он. — Это лишь мирный обмен мнениями. Уборка — твоё развлечение. — Каждое слово Дмитрий выговаривает отчетливо и громко, чтобы его услышали. — На хера она мне нужна? Делай ее раз в две недели, найми кого-нибудь! Проблема, что ли?

— То есть ты хочешь, чтобы в доме были завалы грязи?! — Маша отшвыривает тряпку, та улетает в угол, где падает на морду огромному плюшевому Чебурашке.

Соня всхлипывает и тоненько скулит:

— Мама... папа...

Но они слишком разгорячены, чтобы отвлекаться.

— Или ты хочешь, чтобы по нашему дому шлялась чужая женщина, заглядывала во все уголки, в грязное белье? Ну? — Щеки у Маши белые, глаза сузились до щелочек, руки уперты в бока — классическая поза разгневанной супруги. — Ты мой муж, ты должен мне помогать! А тебя никогда нет! Тебе на нас наплевать!